

УДК 94(571.1)

ББК 63.3(253.3)-282.1

**Наследие архаического сознания
у рабочих Западной Сибири
конца XIX — начала XX в.**

В.Н. Фаронов

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

**The Legacy of Archaic Consciousness among Workers
in Western Siberia at the End of the XIX —
the Beginning of the XX Centuries**

V.N. Faronov

Altai State University (Barnaul, Russia)

В статье исследуются остатки архаического сознания рабочих Западной Сибири, унаследованные от прежних социальных слоев аграрного общества: крестьян, мещан и кабинетских мастеровых. В их сознании присутствовали промонархическое настроение, патриархальная почтительность к начальству, пассивное ожидание перемен к лучшему, которые дарует извне некий культурный герой, отрицательное отношение к накопительству и частной собственности. Вместе с тем рабочий не любил начальство, предпринимателей и служащих, находился с ними в постоянном конфликте и винил их во всех бедах. Из неприятия частной собственности возникали такие явления, как масштабное пьянство, часто чреватое буйством и разгулами, склонность к воровству и вообще криминальности. Этому же способствовала и незрелость личностного начала у большинства рабочих, что в условиях отсутствия контроля со стороны общины приводило к падению нравственности и криминализации поведения. Третьим компонентом девиантного поведения следует признать внутренний иррациональный бунт архаика против насильственной модернизации. Однако все это с течением времени уходило в прошлое, и рабочие постепенно адаптировались к новым требованиям времени.

Ключевые слова: рабочий класс, модернизация, Западная Сибирь, менталитет, архаика.

DOI 10.14258/izvasu(2015)4.2-38

Социальные группы, принимавшие участие в генезисе рабочего класса, проходили через маргинальную стадию. Маргинальность, согласно представителю чикагской школы социологии Р. Парксу, который и ввел этот термин в научный оборот, есть состоя-

The article examines the remains of the archaic consciousness of the workers in Western Siberia, inherited from the former social layers of the agrarian society: peasants, burghers and artisans. They had pro-royal mood, patriarchal respectfulness to superiors, and passive expectation of the changes for the better, which would be brought by a certain cultural hero from outside, a negative attitude toward private ownership and hoarding. However, the workers did not like their bosses, businessmen and civil servants, and were in a state of constant conflict with them blaming them for all the trouble. The rejection of the private property resulted in such phenomena as large-scale drinking, often fraught with riot and rampant, the propensity to theft and general criminality. This also contributed to the underdevelopment of personal principle in most workers that in the absence of control by the community led to the fall of morality and the criminalization of the society. The third component of the deviant behavior is the inner irrational archaic revolt against violent modernization. However, all this with the passage of time went to the past and the workers gradually adapted to the new requirements of the time.

Key words: working class, modernization, Western Siberia, the mentality, archaic.

ние социального субъекта, находящегося на границе двух культур, но не принадлежащего ни одной из них: «главное, что... определяет природу маргинального человека, — чувство моральной дихотомии, раздвоения и конфликта, когда старые привычки отбро-

шены, а новые еще не сформированы. Это состояние связано с периодом переезда, перехода, определяемого как кризис» [1, с. 97]. Значительная часть рабочего класса Западной Сибири находилась именно в таком состоянии, со всеми вытекающими отсюда следствиями. Прежний менталитет, основанный на социокультурном наследии российской деревни, а для рабочих из бывших мастеровых Кабинета — основанный на их сословном наследии, играл все еще важную, а иногда и решающую роль в повседневной жизни и производственных отношениях сибирского рабочего.

В статье будут рассмотрены некоторые важные элементы архаического сознания (в данном контексте — сознания, свойственного представителям доиндустриальных социальных групп) рабочих Западной Сибири. Исследование основано на материалах архивов Барнаула, Новосибирска, Санкт-Петербурга, Томска, фольклорных источников и периодики, а также данных исследовательских работ.

Традиционный менталитет у рабочего. В рабочем сознании присутствовали большие слои традиционной крестьянской ментальности, которые не могли исчезнуть сразу по переезде в город или устройстве на предприятие. Во многом рабочий смотрел на мир с этих позиций, согласно которым государство виделось большой общиной, наподобие крестьянского мира, во главе с заботливым царем-батюшкой. И все в этом патриархальном мире было бы идеально, если бы не злодей-барин или местный начальник, против которых крестьяне порой учиняли стихийные и жестокие бунты. Самосознание крестьянина-общинника было слабо индивидуализировано, он не осознавал себя отдельно от общины. Трудился крестьянин по-немногу и не спеша, за исключением двух в году сезонов напряженной работы, что соответствовало присущей традиционному обществу «этике праздности», в которой труд не являлся высокой ценностью. Отсюда и отрицательное отношение к тем, кто больше работал и стремился к личному обогащению, а также и неприятие частной собственности, за которой обязательно стоял «неправедный», т.е. направленный на получение прибыли труд. Отсюда и оправданность в крестьянском менталитете воровства того, что «плохо лежит» [2, 3].

Проведение сравнения вышеозначенных образцов крестьянской ментальности с ментальными структурами рабочих Сибири. У рабочих присутствовали промонархические настроения и крестьянская вера в доброго царя и несправедливых местных начальников. В своих жалобах и прошениях они пытались довести до сведения двора информацию о злодеяниях, которые без ведома государя творили чиновники. Ходили слухи о якобы утаенных начальством царских манифестах, дарующих милости простому народу [4, с. 130]. Прослеживались следы монархизма и в популярных былинах и песнях о героях и истори-

ческих личностях. Народным любимцем, как и прежде, оставался Илья Муромец. В одной из былин, записанной С.И. Гуляевым в Сузунском заводе, отразился монархизм вместе с крайним неприятием притеснителей-начальников, которые были ненавистнее любого внешнего врага:

*«И седлал Илья Муромец тут коня добровы,
Надевал на себя всю сбрую богатырскую,
Садился на коня и вскричал:*

*„Ты гой еси, батюшко, Владимир-князь!
Поддай-ко мне своих изменников!“*

Привели к нему князей-бояров,

И он посекал им головы,

И побежал он в силу неверную» [5, с. 70].

Рабочие в массе еще верили в доброго царя, окруженного несправедливыми начальниками, достойными только того, чтобы «посекли им головы» и за все их несправедные дела, и для того, чтобы впредь уже никто не мешал народу жить по справедливости: «культура традиционного крестьянина и ремесленника... сторонилась государства и его культуры, демонизировала эти сущности, видела в людях государства странных существ, природа которых непостижима, эти существа всегда враждебны и опасны простому человеку» [6, с. 70]. Всякий вошедший во власть, осквернивший себя служением государству, тем самым отказался от Опонского царства. Кроме того, репрессии по отношению к таковым переживались как предвестие эсхатологического уничтожения государства и наступления всеобщего благоденствия.

Не меньшей популярностью, по тем же причинам, пользовались песни о царе Иване Грозном, казнившем бояр-изменников, и народном герое Степане Разине [5, с. 149–166, 169–170]. В былинах и преданиях отражались идеалы всеобщего равенства, общества, где не было богатых, начальников и все занимались общим трудом — по сути это идеалы крестьянина-общинника. Избавление от несправедливости возлагалось на обладающего сверхчеловеческими способностями героя, что являлось элементом пассивного ожидания спасителя, свойственного традиционному сознанию, а также и личности, подавленной авторитетом деспотической власти. Особенно отчетливо это отражалось в рабочем фольклоре мастеровых Кабинета. Бессилие в противостоянии власть имущим породило многочисленные предания о справедливых разбойниках, бесстрашных борцах с притеснителями Криволицком, Сороке, братьях Белоусовых [7, с. 47–68, 88–99]. Они обладали сверхъестественными способностями, подобно культурным героям традиционных преданий. Вот какими виделся мастеровым Криволицкий: «Как захрапит, под ним земля ходит. Вес в нем был с одной рубахой — семь пудов семнадцать фунтов... свинец их не берет... Криволицкий из пистолета стрелял. Как стрелит — пять человек валится... раз шагнет — и за Алеем... поймают

Криволицкого, закуют — железо не держит. Ногой тряхнет — и все» [8, с. 79–82]. В преданиях о братьях Белоусовых прослеживается и архаическая тема змеборства культурного героя: «Старший Белоусов на покосе змея убил. Змей-то выше и лег на каменную плиту. Белоусов не струсил, топором его — раз! Хотел башку отсечь. С одного раза не отсек. Змей проснулся, да как чихнет — искры полетели. Еще ударил — змей засвистел, завыл. С третьего раза отсек ему башку. Змей хоть безголовый, но живет. Охватил его хвостом, давит, вырваться нельзя. Белоусов кричит: — Братухи, скорее! Братья прибежали, народ сбегался. Едва отцепили змеиный хвост. Голову змеиную накинута на кол — аршина три-четыре в ней будет — повезли в Кольвань» [8, с. 85]. Можно полностью согласиться с выводами Мисюрева об этом предании: «С преданиями о силачах-мстителях в устной повествовательной традиции соединилась тема змеборства. Русским жителям южной Сибири был хорошо известен былинный эпос, в частности былина о Добрыне... Легенда горнорабочих излагает борьбу Белоусова со змеем в сходстве с былинным поединком Добрыни со Змеем Горынычем; повторены такие подробности, как искры, рассыпаемые змеем, а также то, что змеиную голову надели на острый кол, понесли к управительскому дому — ко дворцу добрынской матушки в былине» [8, с. 88].

На практике с местным начальством, предпринимателями и служащими отношения у рабочих складывались весьма напряженные. Так, «Сибирская газета» писала о взаимоотношениях на спичечной фабрике Ворожцова в Томске: «Какковы отношения между хозяином и рабочим видно из того, что хозяин на фабрику никогда не ходит один и без револьвера» [9, с. 94]. Больше всего от рабочих доставалось служащим, которых они называли «духами», «собаками», «причиндалами». В.П. Зиновьев отмечает: «Мордобой на промышленных предприятиях был явлением обычным. Побить „красную рожу“ служащего почиталось доблестью. Среди служащих также ценились умелые бойцы» [9, с. 94]. Во многом все происходило по вине хозяев и служащих. П. Головачев отмечал, что к рабочим они относились с недоверием, презрением и жестокостью [10, с. 302], что не могло не вызвать ответной неприязни. О ненависти к начальству и источнике ее возникновения писал управляющий Кольчугинской копи. В рапорте от 22 января 1893 г. он уверяет, что ненависть рабочих к начальству является остатком «озлобленности, какую таили в себе рабочие еще во времена крепостного права; это — запоздавшая месть за те жестокости, которым подвергались рабочие в минувшее, но еще далеко не забытое время... Старики, испытавшие всю тяжесть крепостного труда, еще живы и передают детям свою ненависть к начальству как к безжалостным притеснителям» [11]. В целом же отношение к руководству у рабочих было двояким.

С одной стороны, владельцы предприятий, управляющие, мастера и т.д. представляли в сознании рабочего враждебным лагерем и вызывали ненависть, с другой стороны, оставались в силе патриархальные традиции, да и управляющий был той инстанцией, к которой рабочие обращались в случае беды или конфликтов со служащими [9, с. 105; 12, с. 84].

Об уровне развития личностного начала большинства рабочих красноречиво свидетельствовал П.Г. Сидович: «Рабочие привыкли жить толпою; они чувствовали себя хорошо, если они в толпе, и не любят оставаться в одиночестве. Они и дома ищут „компанию“, в праздник их тянет на „народ“, на „улицу“» [13, с. 274]. В несколько смягченной форме об этом же пишет Ю.И. Кирьянов: «Одной из черт менталитета рабочих был коллективизм (повидимому, эта черта имела еще крестьянские истоки). В конце XIX в. она была зафиксирована в популярном в среде рабочих лозунге „Один за всех и все за одного“. Однако коллективизм рабочих (по крайней мере, до 1905 года) имел местный масштаб, не выходил за местные пределы — предприятия, города и связанного с ним региона» [14, с. 66]. Впрочем, какими бы причинами ни объяснялся рабочий коллективизм, он уже носил в себе потенциал совершенно новой, отличной от традиционной солидарности. Приведем слова Зомбарта: «В наемных казармах, на огромных фабриках, в больших собраниях и увеселительных заведениях отдельный пролетарий, покинутый Богом и всем светом, вдруг чувствует себя в кругу своих товарищей по страданию, как член нового огромного организма. Тут зарождаются новые формы общежития, и эти формы носят благодаря новейшей технике, сильный коммунистический отпечаток. Они развиваются, растут, укрепляются, по мере того как исчезают для отдельного индивидуума соблазны изолированного существования. Образуется общее классовое сознание, привычка к коллективной работе» [15, с. 30–31].

В рабочей среде присутствовало и резко негативное отношение к частной собственности и накопительству [14, с. 64; 13, с. 274; 16, с. 147]. Здесь говорили: «Не пустишь душу в ад — не будешь богат» [17, с. 133]. Весь народный дух осуждал богатство, которое называлось, согласно бытовавшему мнению, исключительно грабежом и стяжательством [17, с. 133–143]. В чести были те, кто, так или иначе, наказывали богатых [17, с. 143–145].

Вновь обратимся к преданиям мастеровых Кабинета. Весь рабочий фольклор пронизан мотивами о народных героях-разбойниках, которые карали богатых, отбирали у них собственность и раздавали ее беднякам. Приведем некоторые примеры: «— Вот мы с тобою сделаем воровство: вся Томская губерния с голодухи падает, а мы спасем... Побегал в село к становому. — Собирай народ. Буду деньги раздавать. Которые голодные — тем деньги: казна дала,

царь велел. Народ собирается, он дает. И в другом селе дает... — Ты, Кривоуцкий, где деньги взял? — А в городе, в соборе. Там сорок тысяч было, в ящике лежали. Сколько людей голодует, а деньги лежат, архиерей спит на ящике... Судья судит: — Куда ты деньги девал? — Половину народу раздал, а половину себе на разгул оставил», «Кривоуцкий обирал богатых мужиков. Бедных не трогал — нет! А богатым: «Отворяй ящик» — и все», «Кривоуцкий — он вон какой был человек. По улице едет, видит в окно — ребяташки в избе играют — одежда плохая, тело видать. Ну, он к окну подъедет, бранится, бранится: — До чего ребяташек довели! Ну, управители! Как стемнеется — он в то окно стучит: — Так вас и так, я ребяташкам рубашек наших! Берите! Выйдут из избы — и верно: рубах лежит гряда. А Кривоуцкого и след простыл», «Богатым мужикам от них худо было (от братьев Белоусовых. — *В. Ф.*)», «Сорока копил для бедных людей... Положил на трубу деньги, камешком придавил. Утром она пошла по воду, смотрит — на трубе деньги лежат» [8, с. 79–91]. Как видим, не осуждался разгул, растрата средств в пропое. Осуждалось лишь накопление денег, стяжательство.

Имеется немало свидетельств о практическом отношении рабочих к накопительству. Так, П.Г. Смилович отмечает: «Рабочие дорожат деньгами гораздо менее чем другие слои общества, хотя можно было бы ожидать противоположного, имея в виду тот труд, которым зарабатываются эти рубли» [13, с. 274]. В годовом медицинском отчете Сузунского госпиталя за 1883 г. писалось: «Грамотных в заводе мало, проституция и особенно пьянство значительны. Судя по значительным суммам денег, расходящимся в населении (от извоза, заводских работ, ярмарки и ремесла), следовало бы предполагать о благосостоянии жителей, но в действительности этого нет: большинство жителей бедные люди» [18]. Об этом же свидетельствовал и Берви-Флеровский: «... солидный первостепенный работник всегда возбуждает зависть или даже ненависть; про работника же тщеславного и мота отзываются очень хорошо: „Это добрая душа и золотые руки — через него еще ни один человек не сделался несчастным. Много он заработает в месяц или два, закутит, всех угостит, все раздаст, ничего себе не оставит“» [16, с. 158]. Такое нестяжательство объяснимо господством традиционной трудовой этики, присущей социальным слоям доиндустриального общества, в том числе крестьянству и мещанству — кадровой основе пролетариата. «Согласно принципам традиционной трудовой морали следует работать до удовлетворения скромных по своему составу потребностей семьи в питании, одежде и жилище, весь доход тратить на потребление и не стремиться к накоплению... Потребительское отношение к труду существовало во всех традиционных обществах и в литературе получило название „этики праздности“» [13, с. 243–244].

Подобная трудовая этика имеет архаическое происхождение. В родоплеменном обществе на начальной стадии экономического расслоения появилась практика сакральной растраты накопленного в дарах и угощениях. М. Моос дал этой практике «теоретически добровольных, в действительности же обязательно вручаемых и возмещаемых» даров название «потлач» [19, с. 85], широко применяемое в антропологии. С большой долей вероятности мы можем предположить, что перешедшая от крестьян к рабочим трудовая этика «праздности» являлась прямым пережитком архаического потлача, препятствующего экономической дифференциации общины. Сохранение пережитков потлача свидетельствует о довольно сильной архаичности сознания рабочих.

Это предположение подтверждает и уважительное отношение рабочих и к разбойнику, прогуливавшему награбленное (оставь богатство себе, разбойник тут же превратился бы в мироеда), и к своему коллеге, который «закутит, всех угостит, все раздаст, ничего себе не оставит». Мировоззрение еще хранило остатки того престижа, который даритель получал от одаренных, которые, таким образом, становились его должниками, обязанными преподнести ответный дар. Т.е. речь идет о круговороте энергии-богатства, сохраняющем целостность социального мира. И напротив, стяжатель замыкает эту силу на себя, чем разрушает гармонию, создавая экономическое неравенство, воспринимаемое как разрушающий миропорядок хаос. И если в реальности ничего с этим поделать было нельзя, то в сознании архаика возникал образ культурного героя, возрождающего традиционный порядок грабежом тех, кто «неправедно» присвоил себе богатство, и последующим его дарением нуждающимся. Так девиация хаоса устранялась и справедливость восстанавливалась. Вполне закономерно предположить, что именно эта черта сознания основного массива российского населения предопределила победу большевиков в Гражданской войне. Население видело за призывами о всеобщем равенстве, за репрессиями имущих слоев и проводимыми экспроприациями материальных богатств силу, способную восстановить порядок и справедливость, разрушенные капиталистическим развитием.

Как уже отмечалось, крестьянская психология была в целом склонна к поведению, которое мы определили бы ныне как криминальное. Б.Н. Миронов так характеризует эту ментальную черту: «Крестьяне с легкостью присваивали найденные вещи, даже если они точно знали, кому они принадлежат: „Плохо лежит — брюхо болит, мимо пройти — дураком назовут“. Один современник отмечал: „Мелкое воровство — дело самое обыкновенное и совершается на каждом шагу, так что его и преследовать нельзя: сил не хватит. Воровство съестного есть что-то физиологическое, такое же неотразимое и неволь-

ное, как страсть к вину“, что отразилось в поговорке: „Грех воровать, да нельзя миновать“» [2, с. 442]. Все это переходило по наследству рабочим, имевшим в своей массе крестьянские корни. Рабочие крали где могли. Но, пожалуй, особого размаха хищения достигали на приисках и были повседневным явлением. Один из документов того времени сообщал: «Приисковые рабочие заинтересованы в том, чтобы скрыть от хозяев подъемное золото и продать его на сторону... надо иметь ввиду и то, что во время пребывания на приисках у рабочих почти нет на руках наличных денег, и подъемное золото служит для них единственным расходным фондом, в особенности на покупку вина» [20].

Более подробную информацию о характере краж на золотых приисках можно получить из доклада А.М. Оссендовского «О воспрещении служащим и рабочим на золотых приисках заниматься скупкой и продажей золота и доклад о борьбе с бездорожеством в Южно-Енисейском округе. 1915 г.». Автор приводит данные американских таможенных инспекторов, согласно которым в Китае за 1911 г. было сплавлено 1411 пуд. 31 фунт золота, а в 1912 г. уже 1617 пуд. 2 фунта. Если учесть, что ежегодная добыча золота в самом Китае составляла около 380 пуд., то становится понятным, что основная его масса приходила контрабандным путем из России [21]. Безусловно, из-за огромных налогов, отбиравших у предпринимателей до третьей части прибыли, сотни пудов золота беспошлинно уходило в Китай по воле самих предпринимателей [9, с. 53]. Но велика в этом была и роль рабочих, кравших золото с приисков. А.М. Оссендовский писал: «наибольший процент вольнопринесительского золота — происхождения преступного. Несмотря на самый тщательный надзор, золото в самородках, от крупного до мелкого, легко может утаиваться рабочими и, благодаря свободному обращению золота, безнаказанно переходить из рук в руки даже на том же самом прииске, где золото это добыто и составляет несомненную собственность владельца прииска... Значительная часть похищенного золота поступает, конечно, к скупщикам, которые вследствие более высоких цен, существующих за рубежом, охотнее всего перевозят его через нашу государственную границу и передают в руки китайских и германских скупщиков» [21]. По мнению автора, главная причина такого поведения рабочих заключалась в недостатках «правового сознания народных масс на почве народной темноты» [21], т.е. причиной была практически та же архаическая крестьянская ментальная черта: «укради, что плохо лежит».

Однако поведение рабочих было более криминальным, чем поведение крестьян. Так, С.П. Постников и М.А. Фельдман отмечают: «Рабочие в 19 раз были более криминальными, чем крестьяне, жившие в общине. Освобожденные от контроля общины, не при-

выкшие к самоконтролю, молодые люди легко давали волю агрессии, своим отрицательным импульсам и эмоциям. Высокая преступность рабочих объяснялась также их маргинальным статусом: оторвавшись от привычных условий жизни и принятых стандартов поведения в деревне, они с трудом адаптировались к фабричной и городской жизни, из чего проистекали антиобщественный характер их поведения и негативные психические состояния» [22, с. 226].

Девиянтное поведение. О нравах пролетариата тех лет исчерпывающе повествуют многие публицистические работы. Красноречиво свидетельствует, например, статья «Сибирские негативы»: «С появлением такой массы горнорабочих... жизнь тихого угла будет нарушена, — начнется воровство, грабежи, сугубое пьянство и разгул, в который будет вовлечено и деревенское население. До сих пор здесь не знали заповор, — на ночь оставляли сбрую во дворе, амбаров не замыкали, скот и лошадей держали в открытых дворах, но в самое недавнее время уже констатированы случаи небывалого раньше воровства лошадей и прочего. Нельзя сомневаться в том, что развитие угольного промысла... внесет разложение в деревню, совершенно неподготовленную к отпору» [23, с. 60]. Об отрицательном влиянии на местное население прежде всего приисковых рабочих писал и П. Головачев: «Ближайшие селения вполне испытывают вредное влияние приисков: крестьяне начинают забрасывать сельскохозяйственные промыслы, как менее для них доходные на первый взгляд; каждый дом превращается в кабак; вышедших из тайги „приискателей“ всячески стараются спойть и обокрасть, а то и просто обокрасть; женское население деревни заметно портится. В населении развиваются венерические болезни» [10, с. 302]. Причина этого заключалась в поведении рабочих приисков. А. Завитков так писал об этом в «Восточном обозрении»: «приисковая жизнь на всем готовом содержании приучает бергала к беззаботности, к беспечности. Грязная обстановка, грубость в обращении, несправедливость, одностороннее развитие физических сил в ущерб умственных, полное отсутствие полезной духовной пищи — довершают переработку характера бергала. Выходя с приисков, беспечный, развитой с одной животной стороны, бергал дает полную свободу страстям: кутить, развратничать, заражается сифилисом и разносит болезни по городам и весям» [24, с. 15].

Отметим и долго сохранявшуюся в рабочей среде «традицию» пьяных разгулов. Можно привести множество свидетельств подобного. Например, В.И. Семевский писал о таком случае: «5-го января 1884 г. на приисках Ф., в Мариинском округе, команда рабочих до 50 человек почувствовали неудержимое желание выпить „винную порцию“ (дозволения продажи вина на приисках не существует, и рабочие, состоящие на хозяйском содержании, получают

его от хозяев по их усмотрению); когда приисковое управление не удовлетворило этого желания, то „команда“ не пошла на работы. На другой день по приглашению выпить в обычное время, рабочие отказались от водки, но не надолго — искушение было слишком велико, и затем, после поданного угощения, они потребовали, чтоб им дали еще вина; получив отказ, они вломались к управляющему, который убежал с прииска; рабочие избили его жену и детей, ворвались в помещения, где хранился спирт, и черпали его, кто, сколько мог» [25, с. 648]. А вот свидетельство газеты «Сибирский листок» от 27 февраля 1900 г., где в статье «По Тавде» писалось: «Драки происходили такого рода, что уговорить или разнять расходившийся фабричный народ не представлялось никакой возможности... Иногда во время драк, по распоряжению администрации фабрики, на арену действия посылалась пожарная машина и расходившуюся толпу „разливали“ водой. Такие истории повторялись чуть не каждый раз после получки заработка от конторы» [26]. Не изменилось поведение рабочих и позднее. Приведем слова из послания замнаркому В.Д. из Новониколаевского Сиботделуправления, датированного осенью 1921 г.: «На Кольчугинском руднике развивается пьянство... В Кольчугино, в связи с развившимся пьянством ежедневно бывают беспорядки и драки. Милиция бессильна бороться. Был случай избияния милиционера» [27].

В этом же ряду стоит еще одна форма девиантного поведения, свойственного преимущественно молодежи — как сельской, так и рабочей. В.А. Зверев отмечает: «С пьянством теснейшим образом было связано растущее хулиганство части молодежи, перерастающее нередко в криминальное поведение... Самым распространенным проявлением деликветного поведения (хулиганства) сельской молодежи были ночные хождения по улицам в пьяном виде с пением непристойных песен и сквернословием, ссоры и драки, оскорбление „словами и действием“ прохожих, вымогательство и отнятие денег на покупку вина, разбитие стекол, поломка изгородей, поджоги стогов сена и хлебных скирд, вымазывание дегтем ворот и оконных наличников. Пьяным разгулом, доходящим до поножовщины и кольев, отмечал зачастую „молодажнич“ съезжие праздники» [28, с. 210]. Нужно отметить, что сильнее всего хулиганство было развито в селениях с действующими торгово-промышленными предприятиями, в пригородах, в приисковых поселках, т.е. речь идет, как уже отмечалось, не только о крестьянском, но и о рабочем населении. В.А. Зверев связывает рост массового асоциального поведения с алкоголизацией населения, приводя в качестве примера временное улучшение криминогенной обстановки после принятия «сухого закона» в 1914 г. и последующей ее активацией к 1916–1917 гг., напрямую связанной с возрастающим размахом незаконной торговли вод-

кой и самогонварением [28, с. 212]. Продолжалось массовое хулиганство и после революции. Еще в середине 1920-х гг. не редкостью являлись документы, подобные секретному донесению 1925 г. управляющего Кузбасстрестом, в котором сообщалось: «С наступлением летнего периода 1925 года на Анжерских и Судженских копиях Кузбасстреста стало появляться и прогрессивно развиваться хулиганство и озорство во всякого рода формах, главным образом, среди молодежи — детей и подростков до 18-тилетнего возраста... Хулиганствующие дети и подростки били стекла в нежилых и консервированных помещениях предприятий; ломали заборы, ограды, деревья; били фонари на железнодорожных путях... Хулиганство, моментами, как будто бы, то утихало, то вновь возрождалось, но оно не заглохло и живо до сих пор» [29].

Масштабные пьянство и асоциальное поведение стали следствиями разложения традиционной культуры, которая сдерживала эти и другие негативные явления социальной жизни. Так, «традиционная мораль осуждала хроническое пьянство, хотя и не предписывала полной трезвости („Не грешно выпить, грешно пьянствовать“, „Гуляй гуляй, да только дело не забывай“») [28, с. 208], т.е. алкоголь не вытеснялся из жизни, но его употребление регулировалось на допустимом уровне авторитетом традиции. Образ жизни в деревенской общине контролировался преимущественно авторитетом обычая, он нес в себе унаследованный от предков стереотип поведения, который превращался в ходе социализации во внутреннюю потребность субъекта и не ощущался каким-либо внешним контролем [30, с. 74]. С падением же этого авторитета пали и сдерживающие нормы. Причем явление массового асоциального поведения было характерно не только для Сибири, но и для всей страны [30, с. 211].

Как мы уже убедились на примере массового хулиганства, разложение касалось не только города, но и села. Приведем в качестве примера свидетельство священника из Курганского уезда Н. Тихомирова, который, характеризуя деревенскую молодежь, писал, «что вместо прежнего деревенского парня богобоязненного, во всем послушного отцу и матери, почтительного, и уважительного, новый тип, с нагловатыми хватками, дерзким тоном, циничной речью. Вместо прежней деревенской девушки целомудренной, скромной, стыдливой до застенчивости, появилась не в меру развязная, безгранично болтливая, бесстыдная модница... Почти сплошное пьянство, картежная игра, нарушение седьмой заповеди. — Касаясь потребления водки... Теперь водку пьют всюду. Появилась масса шинков. Прежде молодежь пила меньше: она стеснялась пить в кабаке, на глазах у всех, из опасения „дурной славы“, а теперь пьют и „под большим шатром голубых небес“ и где-нибудь на опушке лесной; пьют без всякого стеснения... И что особенно ужас-

но при этом, так это буйное поведение молодых гуляк. Редкий праздник происходит без драки. Не редки случаи убийства на месте драки. А сколько остается искалеченных на всю жизнь!» [31, с. 3].

Когда рушатся нормы и правила традиционного мира, переживаемые как космические константы, человека традиции охватывает иррациональный ужас. Он начинает обвинять себя и весь мир в преступлениях, из-за которых божественное отвернулось от мира. Начинается резкая хаотизация окружающего социума, так как сдерживающие силы традиции, а часто и государства, ослабевают. Но само архаическое население, в ответ на снижение сдерживающих хаос государственных репрессий, начинает проявлять низовое насилие. Одним из видов которого в конце XIX — начале XX в. стало массовое хулиганство, которое можно определить как стихийный протест масс против существующего порядка вещей. Мир модерна, мир буржуазии, новый жизненный уклад вызывали отторжение: «Архаику душно. Он задыхается в этом мире, упорядоченном по другим, отрицающим его природу законам, утрачивающим образ Хитрова рынка или спившегося предместья. Разрушить этот мир не удастся, но выразить свое отношение необходимо. А потому остается надломать, изгадить, нацарапать бранное слово» [6, с. 308]. Лишь позднее, когда преж-

ний миропорядок с приходом коммунистов к власти был восстановлен, постепенно сошло на нет и массовое хулиганство.

Заключение. Рабочие исследуемого периода в культурном плане еще во многом мало отличались от крестьянства и необразованных городских низов. В их менталитете присутствовали сильные промонархические настроения. Как и крестьяне, рабочие жили в ожидании милостей от верховной власти и винули во всех бедах хозяев предприятий, служащих и иногда местных начальников. Но, несмотря на это, у них, как и у крестьян, сохранилось еще патриархальное отношение к начальству. Анализ фольклора показывает наличие реликтов архаического пассивного ожидания перемен к лучшему, которые извне дарует некий культурный герой. Отношение к накопительству и частной собственности оставалось во многом отрицательным и архаичным, когда нажитое нужно было потратить в разгуле или иным способом, не предусматривающим накопления.

В большинстве рабочие представляли маргинальный слой вышедших из-под опеки общины и обычая людей, не ставших еще пролетарски сознательными. Отсюда широкое распространение в их среде получило девиантное поведение: пьянство, хулиганство, криминогенность.

Библиографический список

1. Сайнаков Н.А. Маргинальность как понятие. Методологические перспективы в историческом исследовании // Вестник Томск. гос. ун-та. — 2013. — № 375.
2. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. — СПб, 2003. — Т. 1–2.
3. Вишневский А.Г. Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР. — М., 1998.
4. Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. — Новосибирск, 1982.
5. Былины и песни Южной Сибири. Собрание С.И. Гуляева. — Новосибирск, 1952.
6. Яковенко И. Г. Россия и репрессия: репрессивная компонента отечественной культуры. — М., 2011.
7. Мисюрёв А.А. Легенды и были: фольклор старых горнорабочих Южной и Западной Сибири. — Новосибирск, 1940.
8. Мисюрёв А. Предания и сказы Западной Сибири. — Новосибирск, 1954.
9. Зиновьев В.П. Индустриальные кадры старой Сибири. — Томск, 2007.
10. Головачев П. Сибирь. Природа. Люди. Жизнь. — М., 1905.
11. Государственный архив Алтайского края (ГААК). — Ф. 3. — Оп. 1. — Д. 127.
12. Плотников А.Е. О социальном облике сибирских рабочих пореформенного периода // Экономические и социальные проблемы истории Сибири : матер. науч. конф., посвященной 400-летию присоединения Сибири к России. — Томск, 1984.
13. Миронов Б.Н. «Послал бог работу, да отнял черт охоту»: трудовая этика российских рабочих в пореформенное время // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций. 1861 — февраль 1917. — СПб., 1997.
14. Кирьянов Ю.И. Менталитет рабочих России на рубеже XIX–XX в. // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций. 1861 — февраль 1817. — СПб., 1997.
15. Недров А. Рабочий вопрос. — СПб., 1906.
16. Гончаров Ю.М., Чутчев В.С. Мещанское сословие Западной Сибири второй половины XIX — начала XX в. — Барнаул, 2004.

17. Мисюрев А. Легенды Горной Колывани. — Барнаул, 1989.
18. ГААК. — Ф. 3. — Оп. 1. — Д. 1253.
19. Моос М. Очерк о даре: форма и основание обмена в архаических обществах // Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии. — М., 1996.
20. Российский государственный исторический архив (РГИА). — Ф. 468. — Оп. 23. — Д. 1657. — Л. 13.
21. РГИА. — Ф. 37. — Оп. 67. — Д. 142. — Л. 1–4.
22. Постников С.П., Фельдман М.А. Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1900–1941 гг. — М., 2009.
23. Сибирские негативы // Сибирские вопросы. — 1908. — № 17–18.
24. Завитков А. Тайга (Очерк из жизни приисковых рабочих) // Восточное обозрение. — 1882. — № 32. — 4 ноября.
25. Семевский В.И. Рабочие на сибирских золотых промыслах. Историческое исследование. — Т. 2 : Положение рабочих после 1870 г. — СПб., 1898.
26. По Тавде // Сибирский листок. — 1900. — 27 февраля.
27. Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИ ТО). — Ф. 1. — Оп. 1. — Д. 55. — Л. 224.
28. Зверев В.А. Дети — отцам замена. Воспроизводство сельского населения Сибири во второй половине XIX — начале XX вв. — Новосибирск, 1993.
29. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). — Ф. 1. — Оп. 1. — Д. 1452.
30. Зверев В.А. Региональные условия воспроизводства крестьянских поколений в Сибири (1861–1917 гг.). — Новосибирск, 1998.
31. Безотрадная картина деревенской жизни // Вестник Западной Сибири. — 1913. — № 81. 10 апреля.